

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ОСЕТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Р.Я. Фидарова

В философско-эстетическом сознании осетин на протяжении XIX–XX вв. сформировались две концепции эволюции национального бытия, отражающие две его реальности: это объективно-онтологическая и политико-идеологическая. Суть обеих обусловлена логикой социально-исторического развития общества. Объективно-онтологическая сформировалась еще в XIX в. в парадигме философии истории осетинских просветителей, выступающих за общественный и технический прогресс, необходимость просвещения горцев, важность разработки природных богатств края и т.д. Политико-идеологическая концепция развития национального бытия зародилась и утвердилась после 1917 г. Суть ее заключается в недооценке объективно-онтологической концепции, что противоречит логике научной истины, согласно которой развитие любого объекта, явления, идеи происходит в русле преемственной связи «всего со всем» и в частности с предшествующим опытом. Данная концепция объясняла все успехи в развитии общества и состояние конкретной реальности национального бытия не столько результатом действия объективных законов социальной истории, сколько разумной деятельностью советской власти, подчеркивая роль коммунистической партии в историческом процессе. Политико-идеологическая концепция оказала мощное влияние на духовную жизнь осетинского общества в XX в., формируя в культурном сознании народа представления об обществе только как о политико-идеологическом феномене. Подобная концепция нашла яркое отражение в осетинской литературе, тем самым определив идеологическую направленность в ней социалистического реализма как художественного метода. Она показывала жизнь советского общества исключительно в свете «светлых» социалистических идеалов, стремясь подчинить реальность национального бытия политической задаче построения коммунизма как единственного пути достижения общественного прогресса, идеала, процветания и счастья для всего человечества. В последние тридцать лет в результате демократических процессов в общественном сознании и в такой его важнейшей сфере, как философия, происходит возврат к объективно-онтологической концепции эволюции национального бытия.

Ключевые слова: общество, идеология, осетинская литература, просветители, писатели, герой, характер.

Модернизация – глобальный феномен мировой истории, где осуществляется переход от традиционного, аграрного общества, основанного на отношениях личной зависимости при феодализме, к обществу буржуазному, где царствуют рыночные отношения, индустриальный труд, правовые нормы, признается суверенитет личности, разделение властей, а в духовной сфере наблюдается многообразие. В России модернизационный переход осуществлялся по инициативе государственной власти. В осетинской

действительности к тому времени еще не созрели внутренние предпосылки модернизационных преобразований, что обусловило болезненность происходивших трансформаций. Таким образом, субъектом модернизации общественного бытия и общественно-го сознания в Осетии в XIX в. явилась правящая элита, представляющая Российскую империю и местные власти, а объектом – осетинский народ. В результате был осуществлен огромный прорыв во всех сферах горской жизни.

В чем конкретно заключалась суть модернизационных преобразований? Во-первых, Осетия вошла в структуры российского государственного, административного, правового устройства. Во-вторых, она активно включалась в сферу социально-политических и экономических связей с Россией, что весьма плодотворно отразилось на жизнедеятельности всего горского общества в XIX и последующих веках.

В результате складывался новый образ жизни и мышления. В народе обострилось стремление к знанию. Формировалось новое художественное самосознание качественно нового типа профессиональной культуры, утверждался такой общий дух культурной и духовной жизни, когда люди начинали осознавать, что главная причина человеческих бед и общественно-го зла заключается в невежестве, предвзятости и суеверии. И вместе с тем приходило понимание, что в образовании, в науке, в свободе мысли как раз прокладывается путь культурного и социального прогресса. Сами же идеи общественного равенства и личной свободы, меняющие мировоззренческие, ценностные, нравственные основы и создающие новые условия жизни,

новые идеалы и ценности, вели, конечно же, к новому этапу пробуждения национального самосознания.

Данный тип культуры породил новое мировоззрение эпохи, отразившееся в просветительской идеологии, антифеодальной по содержанию и революционной по духу. Радикальные изменения происходили на уровне всех сфер общественного сознания: формировались науки, складывался новый тип Ирондзинада – этнического мировоззрения, ценности которого заключались в новизне его содержания. Пришло острое осознание того, что идея свободы мысли, слова, печати, художественного творчества – самая важная культурная идея эпохи, философия исторического процесса. Так, новый тип культуры принес с собой осознание самодостаточности личности, как субъекта и объекта исторического творчества. И складывались новые экономические и политические условия становления нового образа жизни, нового общественного бытия и общественного сознания.

По мысли горских просветителей, тогда же достаточно было соединить достижения европеизирующейся русской культуры с традиционным строем жизни северокавказцев с тем, чтобы его качественно преобразовать. Как писал А. Гассиев, «От русского общества требовалось дать направление, разумный исход богатым нравственным и умственным силам горцев, направить их к деятельности среди мирной человеческой гражданственности... На нем лежал долг воспитать племена» [1].

Просветители, патриотически настроенные, ясно осознавали, что горцы социально и экономически отста-

лы, что нет у них современных основ цивилизации и культуры, достаточно светских школ, при этом существуют феодальная иерархия и родоплеменные пережитки, от которых, по их глубочайшему убеждению, необходимо избавляться как можно скорее.

Инал Кануков, писатель и просветитель, с горечью писал: «...за какие бы стороны народной жизни мы не взялись, всюду во главе нашей некультурности и отсталости, в различного рода неудачах и бедствиях – низкий уровень знаний стоит всегда на первом плане» и становится «непреодолимою преградой на пути самых благих начинаний» [2].

С обогащением социальной практики в сознании горцев происходит переоценка ценностей, они начинают переосмысливать разные бытийные понятия, в том числе такие, как кровная месть. Эта мысль одна из основных в очерке И. Канукова «В осетинском ауле». Мечь не извечное, национальное качество характера, а зло, обусловленное объективными условиями существования. Сама по себе эта мысль служит побудительным началом в движении сюжета: постепенно усиливается событийное развертывание действия, причем действие настолько динамичное, психологически напряженное, что в каждой «клеточке» сюжета, в каждом конкретном эпизоде неожиданно глубоко раскрываются важнейшие свойства характеров героев. Эта особенность послужила специфическим условием перерастания очерка в рассказ «Две смерти» (1878), вернее, одной из сюжетных линий очерка, связанной с судьбой замечательного молодого человека, весельчака и любимца

аульной молодежи Данела. Писатель использует оригинальные принципы изображения характера: раскрытие его в причинно-следственных связях со внешними, по отношению к нему, – событиями и обстоятельствами. Резко контрастируют в повествовании разные взгляды, жизненные позиции, социально-психологические особенности мировоззрения героев. Это дает большой качественный результат: рядом с эпическим повествованием, т.е. с описанием обстоятельств и событий, появляется драматизм, право «гражданства» получают человеческие чувства и эмоции, глубоко раскрывающие драматизм другого рода, драматизм народной жизни, судьбы народа. И это наталкивает на постановку философских проблем, связанных с прошлым и будущим народа: что его ждет завтра? А вместе с ним и каждого человека, ведь отдельное, частное не существует вне связи с общим, целым?

Сюжет и композиция очерка И. Канукова «В осетинском ауле» связаны с поездкой автора, т.е. художественное целое в нем организуется образом автора. Поэтому и рассказ в очерке ведется от первого лица. Форма же дневника позволяет писателю глубоко раскрыть внутренний мир героев. Сюжет очерка сложен: он состоит из разных, вполне самостоятельных картин, которые могли бы стать сюжетом рассказа, повести, романа. Отсюда «открытость» сюжета очерка, его содержательная насыщенность и динамизм.

Все доступные ему средства художественной выразительности автор использует для раскрытия своей философии истории: судьба народа, его бытие, настоящее и будущее, должны из-

мениться кардинально, ведь он духовно, нравственно так богат. Решению этой же творческой задачи служит и путевой очерк И. Канукова «Горцы-переселенцы», написанный в форме воспоминаний взрослого о своем детстве, о трагических событиях в его семье и в жизни его народа: о переселении части горцев в Турцию в 60-х гг. XIX в. В нем личное и общественное, общенародное тесно переплетаются, и автор даже не стремится их отделить, настолько они слились в его сознании, в его чувствах. Типичен и интересен образ горца, отца мальчика Дудара, который не выдержал жизни вне родины и вернулся. Он сдержан, мудр, трудится не покладая рук. Рисуя этот образ, автор философски углубленно осмысляет будущее родины, и, обращаясь к прошлым поколениям горцев, говорит: «Для ваших детей и внуков занимается заря новой жизни, жизни труда и мысли» [3, 93]. Значительны философские размышления о судьбе человека, о связи времен и поколений. Произведения писателя являются своеобразной формой познания человека в типическом и личном, в его связях с обществом и присущими ему социальными конфликтами.

В своих очерках «В осетинском ауле», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев», «Заметки горца», «Амрхан», «Горцы-переселенцы» и др. Кануков отразил жизнь пореформенной Осетии, показал специфику развития капитализма в осетинской деревне. Здесь же он проводит мысль о том, что единственный путь к освобождению осетин от вековой отсталости, к развитию экономики края заключается в скорейшем приобщении народа к об-

щевропейской цивилизации.

«Против могущественного напора цивилизации, – писал он, – не устоят никакие традиции страны. И, слава богу, что цивилизация забросила к нам луч свой: наконец, мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» [3, 94].

Наметившийся прогрессивный путь развития Осетии он считал «неизбежным следствием водворения мира на Кавказе», результатом присоединения Осетии к России.

Кануков старался осмыслить законы истории. Он понимал, что объективные условия жизни определяют ход общественного развития, что исторические законы существуют независимо от человеческого сознания. В очерке «Горцы-переселенцы» И.Канунов писал: «Ряд исторических фактов... свершившихся почти на наших глазах, доказывает нам, что народ сохраняет дух воинственности, удалства до тех пор, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благоприятствуют, когда есть, так сказать, арена для поддержания и воспитания этих качеств... Влияние этого неизменного, могущественного исторического закона мы видим и в наших горах» [3,93]. Он осуждал феодалов-тунеядцев. «...Пора, пора оставить дурачиться и разъезжать по аулам бесцельно: пора приняться за работу, забыв, что черная работа стыдна алдару или узденю» [3,93]. Для творчества И.Канукова характерно правдивое изображение действительности.

С развитием социально-экономической жизни народа писатель связы-

вает и вопросы морали. В зависимости от перемен в жизни, по его мнению, меняются нравы и обычаи людей. «Обстоятельства жизни... переменились, переменился и характер современного горца. Как посмотришь теперь, да сравнишь характер современного горца и горца недавнего прошлого времени, когда еще воевал Шамиль, то подумаешь, что с тех пор, как окончилась война, прошло столетие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сделалась более холодной, расчетливою...» [3,91]. Борьба против вредных обычаев и нравов писатель придавал большое значение.

Писатель критиковал обычаи, унижающие и оскорбляющие женское достоинство. «Положение жены-осетинки в доме своего мужа самое шаткое, никакие юридические и религиозные кодексы не связывают особенно мужа с женой; муж смотрит на нее, как на вещь, которую он вправе выбросить за ворота, когда ему вздумается, и отпустить на все четыре стороны беспомощную, да еще, может быть, с малыши детьми» [3,60]. Улучшат положение горянки, по мнению писателя, только новые социально-экономические условия жизни.

Как истинный просветитель, Кануков считал, что нравственное совершенствование личности, просвещение народа, подъем его культуры могут решить все социальные проблемы.

Итак, объективно-онтологическая концепция развития национального бытия зародилась еще в XIX веке, и ярко, мощно отразилась в мировоззрении и творчестве горских просветителей – первых осетинских писателей. Глубоко осмысляя полную драматизма

и трагических коллизий историю своего многострадального народа, они реалистически осмыслили его настоящее, стремясь определить, какое будущее ждет его, и своей неустанной творческой деятельностью, а порой и открытой борьбой с оппонентами, всячески пытались повлиять на это будущее народа.

Такова вкратце суть объективно-онтологической концепции, ярко отразившейся в мировоззрении и творчестве просветителей – первых осетинских писателей.

А в чем суть политико-идеологической концепции? После октябрьской революции 1917 г. социалистическая идеология в нашей стране стали государствообразующей и поэтому она оказалась всесильной, подчинив себе все его ипостаси. Не удивительно, что и культура, в том числе художественная литература, как мощный инструмент пропаганды и влияния на массы, была сразу же мобилизована на решение ее проблем в сфере утверждения позиций советского государства, проблем которых было много, т.к. в истории человечества еще не существовало такого типа государства. Не случайно же В.И. Ленин и определил роль культуры, в частности, литературы, как «служанки революции», назвав ее «колесиком» и «винтиком» пролетарской революции. По его мнению, литература должна была стать партийной по сути [4, 27]. И советская литература, в том числе и осетинская, успешно «справилась» с этой исторической ролью. Начиная с первых лет советской власти, шла усиленная работа по организации партийного руководства культурным строительством как в целом в России, так и в Северной Осетии. Предполага-

лось решение важной задачи создания нового типа культуры – социалистической по содержанию, национальной по форме, т.е. основанной на идеологии пролетариата и служившей насущным задачам классовой борьбы. А, стало быть, необходимо было установить партийный контроль над всеми инструментами, которые призваны были формировать новый образ мыслей в обществе, во-первых, и, во-вторых, поднять культурный уровень народа. Словом, с самого начала демократизация национальной жизни и культуры происходила параллельно с их идеологизацией. Конституцией РСФСР 1918 г. и партийной программой РКП(б) 1919 г. предусматривалось предоставление рабочим и крестьянам всестороннего и бесплатного образования. Повсеместно развивалась пропаганда коммунистической идеологии. Складывалась советская система жесткого партийно-государственного контроля и руководства не только культурным строительством, а в целом всеми духовно-нравственными процессами в обществе с целью формирования социалистического образа жизни, коммунистических идеалов.

В 1920 г. Был создан агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) – специальный орган, призванный осуществлять партийное руководство. Были закрыты газеты, выступающие против советской власти. Создавалась советская печать, сеть агитационно-пропагандистских учреждений, возникли общества «Долой неграмотность!», «Союз безбожников», «Общество друзей радио», «Общество друзей советского кино» и др.

В сентябре 1917 года был создан Пролеткульт как объединение рабо-

чих литературных кружков, театральных и художественных студий. Целью его было создание новой пролетарской культуры, науки, философии и в итоге подчинить искусство «интересам пролетариата». Словом, формировалась концепция классово-политического монизма в общественном сознании. Активно рождалась и мужала политико-идеологическая концепция развития национального бытия.

А в советской литературе в то же время шли поиски новой методологии, шел процесс становления философско-идеологических основ социалистической культуры. И это привело к рождению социалистического реализма как в русской культуре, так и в осетинской, в том числе и литературе. Она успешно воспроизводила процесс формирования нового типа духовности у забитых жизнью и обездоленных судьбой горцев-осетин, отражая суть политико-идеологической концепции развития национального бытия.

Повесть Ц. Гадиева «Честь предков» посвящена событиям конца 1920-х гг., связанных с коллективизацией в осетинском селе. Прежде всего, это рассказ о том, как преодолевали осетинские крестьяне, жизнь которых никогда легкой не была, частнособственническую психологию и приобщались к новым общественным формам жизни. В образе старика Дахци писатель показывает, как горец в трудной борьбе с самим собой освобождается от своих прежних представлений и идеалов, как отходит от старого понимания «чести предков» и наполняет это понятие новым социальным и нравственно-духовным содержанием. Большие изменения происходят и в мировоззрении и психологии других героев повести:

жены Дахци Бабыз, дочери Сона, сына Мысоста, ставших на путь строительства новой жизни в родном селе. И это, по мысли писателя, было продиктовано всей логикой бытия: всю жизнь Дахци батрачил на богача Иласа и ничего не заработал, пришел к старости абсолютно нищим. И вот теперь новая эпоха предлагает ему и его семье, тысячам таких же, как он, новый путь, на который он с большими сомнениями и тревогой в душе все же решает стать. Дети же его, Сона и Мысост, вступают в комсомол, отвергая старые идеалы и представления о чести предков, становятся организаторами колхоза.

Так, в осетинской литературе уже в 20-30 годы утверждается новый образ жизни и мировоззрение, новый, нравственно цельный, уверенный в себе, в своем правильном выборе жизненного пути герой, а в целом, политико-идеологическая концепция развития национального бытия. Герой этот позиционирует не только себя, свое собственное «Я», а целый народ, стремящийся к социальной справедливости, к созиданию своей новой человеческой природы, к историческому творчеству.

Поиски общественных идеалов продолжались в осетинской литературе в последующие годы и десятилетия. Во второй половине 1980-х гг. в советском обществе происходят объективные демократические процессы, основы которых осетинская литература, чуткая ко всем тенденциям и закономерностям жизни, уловила еще в 70-е годы. В результате зарождается в осетинской литературе новый жанровый тип: роман-миф. Это жанровая разновидность романа, в которой органически соединяются две формы познания: рациональная (научная) и

художественная и, конечно, ярко проявляются элементы философии как специфической сферы общественного сознания. При этом философия насыщает роман-миф содержательными мыслями и идеями о том, что есть человек и действительность, в чем смысл жизни человека и бытия общества, в чем предназначение человека на земле, что есть жизнь и смерть и т.д. А от романа, который функционирует по своим жанровым канонам, роман-миф принимает его удивительную способность художественно обобщать и отражать эти философские идеи, облакая их в художественные образы, сюжеты, характеры.

В романе-мифе М. Булкаты «Седьмой поход Сослана Нарты» отражена попытка вождя далимонов (чертей) Челохсартага поставить социальный эксперимент: изменить природу человека, т.е. сформировать нового человека, лишённого памяти, способности любить, творить, думать. Исходя из своей сверхзадачи, Челахсартаг создает молочное озеро, выкупавшись в котором человек теряет самого себя прежнего, настоящего и становится рабом: у него остается только желание трудиться во славу «третьего мира», не покладая рук, а духовную «самость», свою индивидуальность, память он теряет, превращаясь как бы в недочеловека.

По природе своей человек похож на заблудшую овцу, уверен Челохсартаг, и если не вернуть его на правильный путь вовремя, то обязательно свалится в пропасть. Так мало он верит в потенциальные возможности человеческого разума и сердца.

Чтобы экспериментировать с человеческой природой, понимает герой,

надо покорить его совершенно, повергнуть в духовное рабство. И чтобы сломить чужую волю, сделать ее податливой, как воск, нужно доверие. А оно тоже требует внутренней свободы, т.е. избавления от «лишнего груза» – совести. Без доверия невозможно понять сути человека, невозможно выскрести из глубин души человеческой «мусор» весь, рождающий упрямые, гордые мысли. Уничтожить зависть, дающую «проклятые» вопросы: почему в мире есть сильный и слабый, знатный и незнатный, хозяин и раб. Не само бессилие, унижения причиняют человеку боль и ранят душу, а мысли о них. И желая человеку добра, надо убить в нем источник всех мук – подобные мысли. Справиться с этой сверхзадачей – значит избавить человека, измученное и беспокойное существо, от всяких забот. Помутневшая же память его благодарно сохранит образ того, кто наделил его таким великим «счастьем».

Придумав такую философию человека, Челохсартаг решил, что нашел возможность обессмертить себя. И в союзе с дьяволом начал процесс сотворения нового человека. Молочное озеро сокращало время, необходимое для этого. Искушавшись в нем, человек забывал свое происхождение, фамилию, предков, потомков и чувствовал себя наверху блаженства даже тогда, когда по земным законам должен был скорбеть и плакать.

Нормального земного человека радует чувство духовного родства с другими людьми. Радует благодарность за самоотверженный труд на благо общества. Благодарность, как признание твоей самоценности, окрыляет и придает новые силы. Гражданин же Третьего мира только работал и

это было смыслом его жизни. «Счастливец» «вкалывал», не покладая рук и стремился доказать себе, что он не зря носит почетное звание гражданина Третьего мира. Блаженство же его умножалось от сознания того, что он стоит на страже великой родины и защищает ее интересы.

Челохсартага все это очень радовало. Человек нового мира, взвалив на спину тяжелую глыбу мрамора, осторожно поднимался по лестнице. Под тяжестью камня дрожали его колени, а в глазах светилась улыбка, и ни крупинки мысли, ни капли горя на лице. Такому, возможно, и вся вселенная виделась как бы мутной водой в кружке...

Такую интересную философско-эстетическую концепцию человека, формирует роман-миф.

В чем-то романное мифомышление полемизирует с философией марксизма, которая обогащает типологию человек своим пониманием его сущности, конечно же, социальной. Человек – бог, утверждают марксисты. И какие же свойства бога ему при этом приписываются? Свойства творца. Мол, человек приобретает власть над природой и ходом истории. Упускается из виду, что он прежде всего должен быть нравственным. И в этом смысле человек – бог, и, разумеется, правильно должен понимать свое место в этом мире.

Идеология марксизма исходит из того, что, во-первых, человек не божественного происхождения, а продукт развития природы, «венец» ее. Во-вторых, зло произошло не по чьей-то воле, а существует само по себе. В-третьих, что человек по своему образу и подобию преобразует мир, т.е. он имеет

огромную власть над всем и вся. Может проникать в атом, во внутреннее строение вещей и явлений. Может выращивать детей в колбах и пробирках. В-четвертых, человек способен изменять ход истории посредством преобразования общественных отношений, государственного устройства. То есть создавать новый мир, нового человека. Словом, человек приобретает власть и над исторической необходимостью.

А не ведет ли это к мысли о том, что человек свободен от совести и ответственности? И не происходит ли здесь упрощение истины, а именно: недооценка духовной стороны жизни человека? Ведь дух и материя одинаково важны, существенны. И ставить вопрос о том, что из них первично, не совсем корректно: это две стороны одной медали. Об этом напоминает роман-миф, созидаящий свою концепцию мира и человека и представившего своеобразную пространственно-временную модель человеческого сообщества в социальном эксперименте Челохсартага.

Конечно же, это все не ново. О стремлении преобразовать мир по

субъективной воле повествуется еще в сказании о построении Вавилонской башни в Ветхом Завете. Но чем эта затея кончилась? Так же и обречен социальный эксперимент Челохсартага...

Так, осетинская литература отразила сущность духовных процессов, приведших наше общество к острому осознанию необходимости перестройки диалектики национального бытия.

Политико-идеологическая концепция, основанная на марксистско-ленинской философии, претендующей на самое верное, объективное познание законов развития общества, была целеустремленно направлена исключительно к «светлому будущему всего человечества», т.е. к коммунизму. В результате приобретала свой догматический характер. И вот уже последние 30 лет мы становимся свидетелями того, что объективно-бытийная реальность жизни нашего общества осталась незыблемой, а политико-идеологическая концепция развития национального бытия, считавшаяся, казалось, единственно верной, вечной, исчезла из жизни нашего общества.

-
1. Гассиев А. По части книжных древностей // Кавказ». 1873. №36.
 2. Дальний Восток. 1894. 30 декабря.
 3. Кануков И. Сочинения. Орджоникидзе. 1963.
 4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 4-е. М., 1947. Т. 10. 510 с.

Fidarova, Rima Ya. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); rfidarova@mail.ru

TWO CONCEPTS OF THE DEVELOPMENT OF NATIONAL BEING IN THE ARTISTIC AND PHILOSOPHICAL COMPREHENSION OF OSSETIAN LITERATURE.

Keywords: society, ideology, Ossetian literature, educators, writers, hero, character.

In the philosophical and aesthetic consciousness of Ossetians during the 19th – 20th centuries, two concepts of the evolution of national existence were formed, which reflected two realities: the one is an objective-ontological and the second is political-ideological. The essence of both is determined by the logic of the socio-historical development of society. Objective-ontological was formed in the 19th century within the paradigm of the philosophy of history of the Ossetian educators, who advocated social and technical progress, the need to educate the highlanders, the importance of developing the natural resources of the region, etc. The political-ideological concept of the development of national existence was born and established after 1917. Its essence lies in the underestimation of the objective-ontological concept, which contradicts the logic of scientific truth, according to which the development of any object, phenomenon, idea occurs in line with the successive connection of “everything with everything” and in particular with prior experience. This concept explained all the successes in the development of society and the state of the concrete reality of national existence not so much as the result of the operation of the objective laws of social history, but as the rational activity of the Soviet government, emphasizing the role of the Communist Party in the historical process. The political-ideological concept had a powerful influence on the spiritual life of Ossetian society in the 20th century, forming in the cultural consciousness of the people ideas about society only as a political and ideological phenomenon. Such a concept was vividly reflected in Ossetian literature, thereby determining the ideological orientation of socialist realism in it as an artistic method. She showed the life of Soviet society exclusively in the light of “bright” socialist ideals, striving to subordinate the reality of national existence to the political task of building communism as the only way to achieve social progress, ideal, prosperity and happiness for all mankind. In the last thirty years, as a result of democratic processes in the public consciousness and in such an important area as philosophy, there has been a return to the objective ontological concept of the evolution of national existence.

REFERENCES

1. Gassiev, A. *Po chasti knizhnykh drevnostei* [On the book antiquities]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1873. № 36.
2. *Dal'nii Vostok* [Far East]. December 30, 1894.
3. Kanukov, I. *Sochineniya* [Writings]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 341 p.
4. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Omnibus edition. Ed. 4th]. Moscow, Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1947, vol. 10. 510 p.